

Мария ТЕРНОВА Торговый дом «Панацея»

Муж пробормотал что-то жалобное, со стоном повернулся на другой бок и затих, уткнувшись носом в плечо Татьяны. Она с трудом подавила желание отодвинуться. Только хуже сделаешь: обнимет, прижмётся теснее. Такая духота, а ему даже во сне лишь бы обниматься. Чёртов зомби...

Бессонница — скверная штука. Вот так лежишь, слепо таращась в потолок, и чего только не взбредет в голову, пока за шторами рождается серенькое утро. Перебираешь раз за разом всевозможные варианты прошлого и будущего, тасуешь их, будто колоду засаленных карт, сдаёшь: себе, ему... Без толку — ни одного козыря, как ни крути. Но ты ведь счастлива, Танечка, получив всё по своему хотению? Собственными ручками выковала себе неподъёмное счастье. И куда теперь от него деваться?

А выход есть, и не думать о нём всё труднее. Особенно по утрам, когда Сергей, полагая, что будит жену, нежно целует в щёку. Особенно днём, когда он звонит каждый час, чтобы узнать, как дела. Особенно вечерами, когда за ужином муж сидит напротив и смотрит преданными глазами, на самом дне которых тугим клубочком свернулась тоска. Особенно сейчас...

Хватит! Ещё одного нежного лобзания она не перенесёт, и лучше подняться до будильника.

Очень медленно и осторожно, чтобы не потревожить мужа, Татьяна выбралась из-под одеяла. Но Сергей всё равно вскинулся:

— Ты куда?

— Спи, милый, — прошептала она. — Скоро вернусь.

Сварила кофе и нехотя цедила его под бормотание радио. Услышав, что в спальне завозился муж, приготовила омлет и бутерброды. Сергей явился на кухню тщательно выбритым и благоухающим терпкой туалетной водой. Красавец. По-прежнему красавец: рослый, подтянутый секс-символ. Рядом с ним Татьяна сама себе казалась молодящейся пенсионеркой.

— Солнышко, ты неважно выглядишь, — заметил Сергей, приобняв за плечи. — Заболела?

— Голова трещит. Возьму отгул, пожалуй. Отлежусь.

— Зачем же вскочила так рано, Танюш?

Стиснув зубы, чтобы не заорать: «Да катись ты со своей заботой!», Татьяна отвернулась к окну. Невыносимо! Жри свой завтрак и выметайся из дома! Но муж неторопливо жевал, прихлёбывал кофе и поглядывал сочувственно, с тревогой. Давай-давай, так твоя любимая быстрее достигнет точки кипения. Или возврата?

Проводив, наконец-то, благоверного, она долго стояла в прихожей перед зеркалом. Изучала хмурую, осунувшуюся женщину и лелеяла разрастающийся внутри огонёк ярости. Три года. Всего какие-то три года, и превратилась в руины! Ничего-ничего, это горе можно поправить. Дорого, но оно того стоит. Хватит с неё дешёвых средств.

Полчаса спустя Татьяна села в троллейбус, идущий на другой конец города. Удобно устроившись на потёртом, но довольно мягком сиденье, она прикрыла глаза. Не хотелось видеть ни попутчиков, которым нет до неё никакого дела, ни мокрые после ночного дождя улицы. В прошлый раз, помнится, всё вертелась, боясь пропустить нужную остановку.

* * *

Да она всего тогда боялась, дурочка. В отчаянии была, в панике, за самую гнилую соломинку ухватилась бы. А тут — рекомендация школьной подруги, которой удалось быстро и без особых хлопот решить примерно такую же проблему. Наташка темнила по своему обыкновению:

— Я тебя не к цыганке направляю, не к бабке деревенской. Фирма солидная, туда тётя Лена обращалась ещё лет двадцать назад. А она узнала от своей матери. И все довольны! Мой придурок прямо шёлковым стал.

— Да что они делают-то?

— А по потребностям, — хихикнула Натка. — Ведь у каждого они свои, индивидуальные. Рассказывать не буду, на слово всё равно не поверишь. Главное, не удивляйся ничему. А не понравится товар или цена — развернёшься да уйдёшь, никто ведь не неволит.

И Таня, которой всё равно терять было нечего, поехала в таинственную «Панацею». Сверяясь с блокнотным листком, на котором Наташка нарисовала путь от троллейбусной остановки, разыскала двухэтажный дом, построенный, скорее всего, ещё в позапрошлом веке. Некогда жёлтые стены не мешало бы оштукатурить, а разошедшиеся рамы заменить стеклопакетами. Или хотя бы окна помыть. Солидная фирма — и в такой дыре? Но скепсис был для Татьяны на тот момент непозволительной роскошью. Обойдя неказистое строение, она увидела кованую вывеску, висящую перпендикулярно стене. Название было написано латинскими буквами. К массивной, украшенной резьбой двери требовалось спуститься по трём полустёртым ступеням из красного гранита. Остановившись на верхней, Таня огляделась.

Небольшой двор, середину которого занимала круглая клумба с флоксами и бордовыми астрами, был тих и безлюден. Шум и суета города остались где-то там, за углом. На глубоко ушедшей в землю скамье дремал полосатый кот, а старый клён, казалось, затаил дыхание, не желая ронять на землю уже позолоченные листья. В этом уголке мира безраздельно властвовал покой. И женщина, которой так недоставало покоя последнее время, решительно процокав по ступенькам, открыла тяжёлую дверь и шагнула внутрь.

Коротко звякнул колокольчик, и под потолком полутёмного помещения разом зажглись матовые шары светильников. Татьяна разочарованно охнула: все стены зала были заставлены шкафами, полными старых или, точнее, старинных книг.

— Чем могу служить, сударыня? — раздался рядом бархатный баритон, и Таня резко обернулась на голос.

В двух шагах стоял, приветливо улыбаясь посетительнице, худощавый человек средних лет, одетый в чёрную тройку и жемчужно-серую шёлковую сорочку с галстуком в тон. Его удлиненное лицо с глубоко сидящими глазами и крупным породистым носом ничуть не портил небольшой шрам над левой бровью. Такого и не захочешь, а назовёшь в ответ сударем или даже милостивым государем.

— М-м-м... Боюсь, что ничем, — проямлила Таня. — Вероятно, я ошиблась...

— Но что-то ведь привело вас в «Панацею»? Случайно сюда не забредают.

— Я искала не букинистический магазин. Простите.

— Не расстраивайтесь раньше времени. Да, здесь представлены многие издания о целебных свойствах растений, но книгами мы не торгуем. Наоборот: это коллекция, которая постоянно пополняется. Без неё в нашей работе не обойдёшься. Что касается ассортимента предлагаемых «Панацей» товаров и услуг, то он весьма широк, уверяю вас. Итак?

Татьяна молчала, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли. Она оказалась совершенно не готовой обсуждать столь деликатную тему с мужчиной. А тот не торопил. Поглядывал на посетительницу доброжелательно, всем своим видом демонстрируя готовность помочь. И Таня всё-таки выдала:

— Мне посоветовала обратиться в вашу фирму подруга, у которой были серьёзные проблемы с мужем.

— Не смущайтесь, уважаемая. Мы решаем любые проблемы с мужьями и жёнами: потенциальными, действующими и бывшими. Это — одно из приоритетных направлений деятельности «Панацеи». Прошу в мой кабинет.

Кабинет оказался огромным залом, больше похожим на химическую лабораторию. Если, конечно, бывают лаборатории, в которых не только ставят опыты, но ещё отдыхают, играют в шахматы, разводят аквариумных рыбок и принимают гостей. В углу напротив двери стоял письменный стол солидных размеров, на нём — аккуратные стопки документов и включенный ноутбук. Чуть поодаль — пара кожаных кресел и журнальный столик. Два больших аквариума и террариум. Старинные гравюры на стенах.

Лабораторные столы со штативами, спиртовками и разноцветными склянками. Стеллажи, заставленные самыми разнообразными предметами. Большая часть стен была задрапирована тяжёлым бархатом цвета спелой вишни. Пахло здесь вовсе не реактивами — хорошим трубочным табаком и кофе, а в неярком свете настольных ламп и торшера зал выглядел даже уютным.

— Как странно, — заметила Татьяна, осмотревшись. — Здесь, похоже, нет окон. А с улицы...

— Окна, что вы видели снаружи, — обманки, — охотно пояснил хозяин. — Солнечный свет мешает и даже вредит при работе с нежным сырьём. Устраивайтесь поудобнее, — указал он на одно из кресел. — Могу предложить кофе, чай, сок. Может, немного вина?

— У вас даже бар есть?

— Здесь есть всё необходимое для жизни и работы, уверяю вас.

— А хрустальный шар и тому подобное? — попробовала пошутить Таня.

Собеседник усмехнулся:

— Профессионалам не требуется играть на публику. Мы здесь не шаманством занимаемся. Так чем вас угостить?

— Пусть будет сок — любой, кроме томатного.

Хозяин сдвинул одну из портьер, и за ней действительно оказался бар и компактный холодильник.

— Красный апельсин устроит? Вот и славно. А себе я, пожалуй, налью вина, — он поставил на журнальный столик напитки, вазочку с жареным фундуком и коробку конфет. Уселся напротив Татьяны и пригубил густое красное вино. — Ну, вот. Теперь давайте познакомимся и приступим к делу. Я — Всеволод. Как прикажете величать вас?

Таня замялась:

— Я бы предпочла без имени.

— Ваше право. Могу и дальше обращаться к вам «сударыня» или «уважаемая». Но заметьте: я не спросил, как вас зовут, а сказал «как прикажете величать».

— Пусть будет Ольга.

— Итак, Ольга, что привело вас в «Панацею»?

— От меня уходит муж.

— Но ведь ещё не ушёл? — последовал быстрый вопрос.

— Нет, но уйдёт со дня на день, — Татьяна сделала глоток сока, поперхнулась и мучительно закашлялась. Сквозь выступившие слёзы она увидела, что Всеволод сделал резкий жест — будто муху поймал. В горле сразу же перестало першить. Должно быть, она преглупо выглядела с вытаращенными глазами и разинутым ртом. Хрипло спросила. — Как вы?..

— Правой рукой, — любезно пояснил Всеволод.

Вспомнив недавний разговор с соседкой, которая никак не могла вылечить непонятно чем хворающую дочку, Татьяна не удержалась:

— А порчу снимаете? — И сразу пожалела о вопросе, потому что собеседник поморщился и сварливо проворчал:

— Снимаю, как же без этого? Частенько снимаю. И даже порчу, — вздохнув, он откинулся на спинку кресла и виновато взглянул на покрасневшую женщину. — Прошу извинить за пошлый каламбур. Видите ли, ваш вопрос из тех, что действуют на специалистов моего профиля как алая тряпка на быка. Это всё равно, что поинтересоваться у врача, лечит ли он болезни. С одной стороны — безусловно, лечит, потому что врач. А с другой, нет такого диагноза: «болезнь». Но давайте вернёмся к вашей проблеме. Откуда уверенность, что муж непременно уйдёт?

— Позавчера его любовница родила сына, и мне была объявлена царская воля: он перебирается к матери своего ребёнка сразу же, в день выписки из роддома. А я... — Татьяна запнулась и чуть слышно добавила, — бесплодна.

— Сейчас многие виды бесплодия успешно лечатся.

— Знаю. Отлично знаю, что «детская матка» — не приговор! Но муж-то уже завёл ребёнка на стороне!

— Успокойтесь, Ольга.

Взгляд чуть прищуренных карих глаз подействовал отрезвляюще, словно прохладный душ. Вцепившись обеими руками в стакан, Таня сказала:

— Так вот: я хочу, чтобы муж остался со мной. Чтобы любил только меня и не помышлял уйти к этой... бабе. Мерзавец! Я ничего не знала, так была уверена, что всё у нас хорошо... Вы можете помочь?

Всеволод подался вперёд, пристально глядя собеседнице в глаза:

— Могу, но давайте уточним один важный момент. Вы любите мужа или, удержав его, хотите отомстить?

— При чём здесь месть?! — срывающимся голосом выкрикнула Татьяна. — Да я жить без этого сукиного сына не могу! Вот так просто отпустить его, а самой удавиться, что ли?!

— Понятно. Есть хорошее, очень сильное средство. Но вы должны знать и помнить, что его действие необратимо. Я обязан предупредить о последствиях, так что слушайте внимательно...

Он говорил и говорил, а женщина, с улыбкой кивая в такт словам, чувствовала, как постепенно разжимается когтистая ледяная лапа, два дня назад стиснувшая сердце. Всё даже лучше, чем она думала. Любовь Сергея станет искренней и безбрежной. Неподдельная страсть и нежность, будто в начале медового месяца. Муж всегда будет рядом — внимательный, заботливый, щедрый на комплименты, готовый поддержать в трудную минуту. С любовницей расстанется бесповоротно, и никаких измен больше...

О, если хотя бы половина этих посулов не сказка, отыщется ли на свете более счастливая женщина?

— Я беру это сильное и необратимое средство. Сколько с меня?

— Одна неделя.

— Что-о?!

— Своей основной продукцией мы торгуем не за деньги, Ольга. Время — куда более универсальная и устойчивая валюта.

— Не понимаю, что значит — неделя? Я должна стать вашей рабыней на этот срок? — Татьяна разозлилась на собственную доверчивость и начала хамить. — Или вам на недельку понадобилась моя душа? Договор кровью подпишем?! Да что вы себе позво...

Всеволод щёлкнул пальцами, и разошедшаяся клиентка заткнулась, всё ещё шевеля губами.

— Я продолжу, если не возражаете, — невозмутимо сказал он. — Душа — понятие расплывчатое, эфемерное и мало кому нужное, включая владельца. К тому же, сюда сильные духом не обращаются — они решают проблемы самостоятельно. Деньги, необходимые для жизни, наша компания зарабатывает поставками лекарственного сырья и кое-каких препаратов. Но за основные товары и услуги «Панацеи» клиенты расплачиваются временем. Временем, которое им отпущено. Последний нищий, пока не умер, платёжеспособен в этом плане и может что-то купить у нас.

— Типа вечной любви? — пискнула Татьяна, почувствовавшая, что вновь может говорить.

— Не вечной — пожизненной. Так берёте или нет? Зря тратить на вас время я больше не расположен.

— Беру. Но сначала хотела бы увидеть товар.

— Абсолютно естественное желание, — кивнул Всеволод. — Чтобы подобрать состав, я должен кое-что выяснить. Прошу отвечать на вопросы чётко и подробно. Предупреждаю: эта часть беседы будет записана.

— Зачем?

— Бывали неприятные случаи. Клиент предоставлял недостоверные сведения, а затем требовал вернуть время, так как получил не вполне удовлетворительный результат.

Он достал из внутреннего кармана пиджака диктофон, включил его и положил на середину журнального столика. Следующие полчаса Татьяна старательно отвечала на вопросы, которые, так или иначе, касались мужа. Возраст, образование, профессия, должность, характер, привычки, состояние здоровья. Как и когда познакомились, ровно ли развивались отношения, скоро ли поженились, как давно женаты, часто ли ссорятся... И так далее, и тому подобное. Выяснилось, что Татьяна хорошо знает спутника жизни. Она не смогла ответить лишь на вопрос, в каком возрасте Сергей начал курить:

— Уже после школы, но точнее не скажу. Вообще он курит мало — пачку за два дня.

— А спиртное?

— Только по праздникам, в компании. Предпочитает джин, совсем немного.

— Что же, — подвёл итог Всеволод, — картина ясна. Соблаговолите минуту подождать.

Он поднялся и ушёл в дальний конец зала, а вернувшись, поставил на столик две маленькие запаянные ампулы. Обе с бесцветной жидкостью, но одна была маркирована

красной цифрой «два», вторая — синей четвёркой.

— И вот это стоит неделю моей жизни? — скептически скривилась Таня.

— Ещё как стоит. Наш торговый дом — старейший в Европе, и в ценообразовании мы кое-что смыслим, не извольте сомневаться. То, что нужно вам, далеко не самый дорогой товар. От одних суток до трёх лет — вот каков диапазон цен.

— Ничего себе! И за что люди готовы заплатить три года жизни?

— За всемирную славу, например. За власть. Да мало ли...

— А вы-то что делаете с чужим временем?

Брови Всеволода недоумённо взлетели вверх:

— Как что? Проживаю. Даже не пытайтесь угадать мой возраст, всё равно ошибётесь на несколько веков.

Подружка советовала ничему не удивляться. Легко сказать! Татьяна смотрела на человека, которому никак нельзя было дать больше полтинника, и чувствовала себя как во время шторма. Случилось ей однажды испытать сильную качку, когда из-под ног уходит опора, стены перестают быть вертикальными, голова кружится, а все внутренности бунтуют.

«Время — деньги, время — деньги...» — звенела в ушах, никак не желая утихать, расхожая фраза. А ведь этот тип не знает её настоящего имени. Паспорта с собой нет, да хоть бы и был, — чёрта с два она покажет документы. Облизав пересохшие губы,

женщина осторожно спросила:

— Как же я расплачусь?

— Кажется, вам нехорошо. Позвольте проверить пульс, — и, не дожидаясь согласия, Всеволод завладел её рукой. — Пульс учащён, но в пределах нормы. Так-так: Вострецова Татьяна Львовна, в девичестве — Омельченко. Родилась шестнадцатого октября одна тысяча девятьсот восьмидесятого года от рождества Христова, а умрёт, как и договорились, ровно неделей раньше, чем на роду написано. Выпейте соку, Татьяна, — помогает. Я ещё налью.

Он взял пульт, лежащий на журнальном столике, но прицелился не в телевизор, а гораздо выше — в потолочную галтель. Бархатная драпировка бесшумно сдвинулась, явив онемевшей покупательнице шахматку картотечных ящичков — от пола и почти до потолка. Всеволод выдвинул ящик, помеченный буквами «ВО», покопался в нём и вынул плотный желтоватый листок. Татьяна хотела подняться и не смогла — рухнула обратно в кресло. Ничуть не помог ей сок, выпитый залпом.

— Что это? — еле слышно выдавила она.

— Ваша личная карточка. Показать не просите: человеку не следует знать дату собственной смерти. Он начинает нервничать и совершать ещё больше глупостей, чем обычно. — Всеволод прошел к письменному столу и уселся во вращающееся кресло. Небрежно сдвинув ноутбук, положил карточку перед собой. Взял остро заточенный карандаш. — Прежде, чем исправить дату, я должен ещё кое-что сказать, — обратился он к Татьяне. — Вы приобретаете два разных состава. Использовать их тоже можно по-разному. Если разделите ампулы с мужем: красную себе, синюю — ему, то вы мирно, без сожалений и взаимных претензий расстанетесь.

Женщина отчаянно замотала головой:

— Нет! Я не за этим пришла!

— Знаю, но проинформировать обязан, — вздохнул Всеволод. — Если содержимое обеих ампул примет супруг, получите именно тот эффект, о котором я говорил. То есть, вы будете обречены на его беззаветную любовь. Не передумали?

— Нет, — повторила Татьяна уже спокойнее.

— Тогда приступим к осуществлению платежа. Видите карандаш? Казалось бы, ничего особенного: с одной стороны грифель, с другой — ластик. Но такой карандаш стоит два года.

— Ого! — вырвалось у Тани. — И для чего покупают?

— Допустим, вам позарез надо избавиться от какого-то человека. Совсем избавиться. Убить и сесть в тюрьму? Такой вариант мало кого устраивает. Нанять киллера — денег нет. И вы покупаете в «Панацее» карандаш. Пишете на бумаге полное имя того, кто мешает вам жить, затем стираете написанное. Всё — проблема решена, человека нет.

— Куда же он девается? — недоверчиво прищурилась покупательница.

— А куда девается стёртая надпись? Просто исчезает. А человек... Как говорится, ушёл из дома и не вернулся.

— Хм... Так можно уйму народа истребить...

— На продажу идут разовые карандаши, в отличие от этого. Но мы отвлеклись. Итак, сейчас я сотру одну пару цифр в дате вашей смерти и напишу другую.

— А как я могу быть уверена, что вы убавите только неделю?

— Каждый судит по себе, уважаемая Татьяна Львовна, — невесело усмехнулся Всеволод. — Моя бы воля — обязательно дополнил бы список смертных грехов подозрительностью.

— Я, знаете ли, очень доверяла мужу, — резонно возразила Татьяна. — И, как выяснилось, зря. А вас впервые вижу...

— И всё-таки вам придётся поверить на слово. Повторяю вопрос: не передумали?

— Не передумала! Что вы, словно компьютер, спрашиваете одно и то же двадцать раз?

— Чтобы исключить случайность, — он аккуратно стёр что-то на карточке, перевернул карандаш, сделал короткую запись. — Всё, Татьяна Львовна: отныне жить вам суждено ровно на неделю меньше. Сделка совершилась.

Татьяна молча кивнула, прислушиваясь к себе. Никаких сожалений, переживаний. Даже странно. Хотя... Подумаешь — всего неделя.

Всеволод достал из ящика стола небольшую коробочку с логотипом «Панацеи», уложил в неё ампулы и протянул Татьяне:

— Держите. Употреблять лучше с горячей жидкостью. В чай или кофе добавьте.

— Спа...

— Не благодарить! — рявкнул Всеволод. — Нельзя благодарить. Что за народ, ей-богу? Простите, сударыня.

Женщина обиженно поджала губы, но промолчала. Присвоил целую неделю чужой жизни и тут же начал грубить! Она положила коробочку в сумку и поднялась, не глядя на продавца. Тот, рассыпаясь в многословных извинениях и пожеланиях, проводил до выхода. Татьяна не слушала. Скорее, скорее домой!

* * *

И вот теперь, спустя почти три года, она снова идёт в «Панацею». Но теперь уже ничего не боится, поскольку знает, на что идёт.

«Почему я не выбрал другую таблетку?» — откуда эта дурацкая фраза, из какого фильма? Который день крутится в голове, крутится...

Невзрачное здание ничуть не изменилось, и всё тот же кот дремал на лавочке. Вот только денёк выдался тусклый, а клён ещё не начал желтеть.

Дверь «Панацеи» распахнулась, и мимо Татьяны, пританцовывая, прогарцевала совсем молоденькая девушка. Тушь потекла, но в заплаканных глазах плескалось столько надежды...

Татьяна проводила дурёху взглядом: вот и ещё один кузнечик своего счастья поскакал по неведомой дорожке.

— Здравствуйте, Татьяна Львовна, — услышала она. В дверях, без улыбки глядя на посетительницу, стоял Всеволод. Тоже не меняется, паразит. Законсервировался.

— Добрый день. Помните меня?

— Я всех помню. Не сочтите за невежливость, но не могу сказать, что рад снова видеть вас. Каждый раз надеюсь, что покупатель не вернётся.

— А на что тогда жить-то будете? — съязвила Татьяна. — Я могу войти?

Всеволод посторонился:

— Прошу.

Переступив порог, женщина поёжилась. То ли и впрямь чересчур прохладно в этой явно разросшейся библиотеке, то ли взгляд хозяина заморозил спину. Она двинулась было в сторону кабинета, но Всеволод заступил дорогу:

— Сообщите цель вашего визита, сударыня.

— А без этого вход в святая святых запрещён? Я пришла за карандашом — тем самым, с ластиком. И на этот раз налейте мне коньяка, а не сока.

— Сожалею, но эта сделка не может состояться. Вы неплатёжеспособны, Татьяна Львовна.

— То есть... Как?..

— У вас не хватает средств. Я достаточно ясно выразился? — он подхватил Татьяну под локоть и усадил на банкетку. — Весьма сожалею о сказанном, но в таких случаях я вынужден информировать клиента.

— Сколько не хватает? — еле слышно выдохнула Татьяна, но ответа не дождалась. Она долго молчала, обхватив себя руками за плечи, а хозяин стоял рядом, безучастно глядя сверху вниз. Он давно привык к подобным сценам. Женщина медленно подняла голову.
— Надо же, в тридцать лет стала банкротом...

— Вы несколько преувеличиваете.

— Видеть его не могу. Так и убила бы. Ведь знаю, что не сам он... Уйти некуда. Что же делать-то теперь?..

— Есть замечательные капли для глаз: помогают взглянуть на ситуацию с другой точки зрения и принять её с удовольствием. Недорогие — всего десять суток.

— Для меня это теперь дорого. Продайте за деньги.

— Увы, не могу.

— Слушайте, вы обязаны помочь! Впарили мне это мерзкое зелье...

Всеволод отступил на шаг и заложил руки за спину:

— Потрудитесь выбирать выражения. Вы получили то, что хотели, и были предупреждены о последствиях. Я не имею обыкновения что-либо «впаривать». Первичен всегда спрос. Люди болеют, им нужно лечиться, поэтому появляются лекарства. Но никак не наоборот! Кроме упомянутых капель ничего предложить не могу. А пустырник и валериана продаются в любой аптеке.

— Да что вы за человек такой?!

— А кто сказал, что я — человек?

Его бледное лицо показалось вдруг жуткой посмертной маской. Захлебнувшись криком, Татьяна бросилась прочь и немного пришла в себя лишь на троллейбусной остановке. Начал накрапывать дождь, и женщина запрокинула голову, подставляя под капли пылающий лоб. В просвет между тучами подслеповатым бельмом выглянуло и вновь спряталось солнце.

Веснушчатый подросток, сидевший на лавочке, несколько раз окликнул её. Решив, что имеет дело с глухой, подошел и бесцеремонно дёрнул за рукав, а затем постучал себя по левому запястью. Татьяна расхохоталась, вспугнув пробегавшую мимо дворнягу:

— Какое время?! Откуда мне знать, сколько времени? И тебе, балбес конопатый, знать не нужно! Думаешь, легче станет?

Парнишка шарахнулся от ненормальной, растрёпанной тётки, покрутил пальцем у виска и втиснулся в подошедший троллейбус.

Продолжая посмеиваться, Татьяна уселась на освободившуюся скамейку. Надо перевести дух и постараться хоть чуточку привыкнуть к вязкой пустоте, которая разрастается внутри, вытесняя мысли, чувства и желания. Придёт другой троллейбус, а за ним ещё один, и ещё. Спешить всё равно некуда и незачем. Уж что-что, а вернуться к любящему супругу, чтобы как-то прожить остатки капитала, она успеет.

